

Интернет как метафора для Бога?

Чарльз Хендерсон

Интернет предоставляет человечеству новое окно, через которое можно смотреть на Бесконечность.

Чарльз Хендерсон является исполнительным директором CrossCurrents.

В своём новаторском исследовании человеческой личности в эпоху Интернета («Жизнь на экране»), Шерри Теркл сообщает, что многие пользователи компьютеров, у которых она взяла интервью говорят об их духовном опыте, полученном онлайн.

В этих рассказах люди говорят ей, что компьютерные сети "резонируют с их самыми глубокими чувствами, что жизнь не предсказуема. Они вызывают духовые, и даже религиозные спекуляции". Она цитирует одного собеседника, который делает следующее заключение: «Для меня, это Бог, пришедший вместе с наукой, и компьютеры сделали все это возможным».

Ш. Теркл идет еще дальше, в беседе с корреспондентом журнала «Тайм» ссылаясь на историю с обложки журнала «Иисус Онлайн»: «Люди видят Сеть в качестве новой метафоры для Бога». Причиной этого, считает она, является то, что опыт, который они испытывают в электронных сетях, такой же, как сама жизнь, развивающаяся с силой, которую они не могут ни понять, ни контролировать. «Интернет является одним из самых эффективных примеров чего-то, что самоорганизовано. Вот в чем вопрос. Бог является распределенной, децентрализованной системой». Ш. Теркл соединяет эти предложения, не как религиозный человек, пытающийся доказать свою точку зрения, но как ученый, пытающийся понять, что происходит в культуре в целом.

Насколько хорош Интернет в качестве метафоры для Бога? Как преданный христианин, богослов культуры, и тот, кто оказывается, как Теркл, как лично, так и профессионально сталкивающимся с этой новой средой, я хочу, взглянуть поближе на предмет ее исследования. Если Интернет приобретает такой глубоко нагруженный сакральный смысл, то что же является символом всего этого?

Для многих людей может показаться неуместным соединение Бога и сети Интернет в одном предложении. Есть несколько очевидных источников этого конфликта. Компьютер, в все-таки является машиной. Очевидно, что Бог не может быть определен как машина, которая по определению является творением рук человека, и не имеет божественного происхождения. Кроме

того, машины принадлежат к материальному миру, в то время как большинство людей думает о Боге, как духе – или, по крайней мере, как о возможной невидимой силе. Конечно, большая часть «Жизни на экране» является следствием наблюдения Шерри Теркл о том, что современные цифровые сети являются чем-то гораздо большим, чем просто машины соединенные проводами. В современных сетях, границы между человеческим и механическим рушатся. Так как компьютеры могут совершать все больше и больше операций, которые ранее могли быть совершены только человеком, и так как люди все больше и больше связывают свои повседневные задачи со своими компьютерами (в том числе деятельность присущую человеку как никому – общение), компьютерные сети создают у человека ощущение продолжения в них самого себя. Кроме того, с самого начала, Интернет, кажется, растет, как по масштабам, так и по функциональности, и с такой силой, которую невозможно предсказать или запланировать. Его популярность удивила даже таких специалистов, компетентных в вопросах высоких технологий, как Билл Гейтс.

Сеть показывает все признаки роста за пределами возможностей контроля его создателями. Это может означать, что Интернет имеет больше общего с чудовищем доктора Франкенштейна, чем с творческим и любящим Богом, который изображен в Библии. Если Интернет работает как символ Бога, мы должны спросить, какой это символ. Или, возможно, задать более важный вопрос: какого Бога нам следует иметь в виду?

Если Интернет является символом Бога, то почему он настолько далек от традиционных символов Бога, насколько Мадонна далека от образа матери Бога, чье имя она носит. Очевидно, что Интернет является совершенно иным символом, чем популярный образ Бога иудео-христианской традиции. В связи с этим, вспоминая изображения созданные Микеланджело на потолке Сикстинской капеллы, мы видим Бога, как сильного Творца, который вызывает целые миры, и планеты к жизни простой командой – словом. Эти изображения сегодня все время обновляются в человеческом воображении, благодаря их присутствию в Интернете. В том, что эти изображения, подняты из контекста древних часовен и храмов и размещены перед нашими глазами на нелестных поверхностях экрана компьютера, видно, как мало доверия они сохраняют. В то время, как институт патриархата сам себя подвергает сомнению, это не способствует обращению к Богу, как к всемогущему отцу. В то время, когда коммунизм уходит в историю, как и фашизм, империализм, и монархия ранее, это дает не слишком убедительную картину Бога на троне, даже если трон находится на небесах. В то время, когда мы все больше осознаем взаимозависимость

человечества и природы, должны ли мы гордиться тем, что человечество находится на вершине иерархии бытия, просто потому, что люди, как предполагается, были созданы одним из видов «по образу и подобию Божию»?

В постиндустриальном обществе, традиционные символы и метафоры духовной жизни были подвержены деконструкции и не имели никакого отношения к повседневному человеческому опыту. Долгое время американские школьники учились видеть мир с научной точки зрения. Планеты, звезды и целые галактики распределены случайно по всей вселенной. Можем ли мы, в таком случае, говорить о том, что Небеса находятся вверху, а Ад внизу, когда знаем, с научной точки зрения, что понятия «вверху» и «внизу» являются чисто человеческими конструкциями? В современном мире, развитие науки привело к резкому разногласию между людьми, в отношении того, как в действительности устроен мир и как, с традиционной религиозной точки зрения он должен работать.

С ослаблением власти некоторых религиозных символов, другие поднимаются на их место. Создавая новое понимание красоты и хрупкости природы, мы склонны видеть предметы из мира природы, как имеющие символические потенции. Растения и животные рассматриваются не как объекты, созданные Богом для человеческого потребления и удовольствия, но в качестве неотъемлемой части более крупного целого. Мы все являемся частью веб-творения.

Кроме того, это изменение массива священных символов управляется не прихотью отдельных верующих, но культурными, социальными и политическими параметрами, из которых они возникают.

Если в прошлом Бог воспринимается как всемогущий монарх, то в информационную эпоху Бог все более заметен своей доступностью. Если в эпоху империи, Бог правит с трона на высоте, то в эпоху демократии Бог живет в сердцах и умах верующих, и все существа занимают одинаково важное место в круге жизни. Если в эре иерархического управления, Бог общается с человечеством путем выдачи команд на высоты, то в сетевом мире Бог является реляционным, в век информации Бог говорит изнутри отношений и событий, которые составляют повседневную жизнь человека. Если в индустриальном веке, Бог считался великим конструктором, который изобрел мир по законам природы, то в хаосе настоящего Бог рассматривается как Создатель, который доступен для всех людей в промежутках между их личностными отношениями.

Если Интернет начинает рассматриваться как метафора для Бога, это не потому, что новая метафора упала с неба волшебным образом, но только потому, что

прошел тот же процесс, с помощью которого возникло большинство религиозных символов: естественным образом, из повседневного опыта реальных людей. Бог говорил с гор к людям, живущим рядом с горами, Бог говорил, как король, когда настоящие короли правили народами земли, также, и в информационный век, Бог будет восприниматься как настоящее и через эту сеть, которая связывает нас друг с другом и с миром, в котором мы живем. В некотором смысле, этой сетью является Интернет.

Если это так, то возникает новый вопрос: «Почему?», «Что это значит?» Почему, например, именно Интернет приобрел такое богатое символическое значение, а не телефон? А как насчет телевидения? Или телеграфа? Или печатного станка? Если эти технологические изобретения не стали религиозными символами, то почему компьютерные технологии стали настолько священными? Является ли это явление просто еще одной быстро проходящей причудой с пятнадцатиминутной славой?

Я считаю, что то, что мы наблюдаем сейчас, это больше, чем дань моде. Я уверен в своем выводе, потому что доказательством истории является то, что информационный век существует долгое время. Изменения были дополнительными и кумулятивными.

Кроме того, глядя на прошлое с точки зрения будущего, мы начинаем замечать вещи, которые мы пропустили, когда мы проходили мимо. Обращает на себя внимание, например, что компьютерно-опосредованной коммуникации технологии представляют не столько качественный скачок вперед, как еще один шаг по дороге, которая берет свое начало в древности на Ближнем Востоке и письменного алфавита себя. Люди иудейской, христианской или мусульманской веры начинают осознавать, что их священные книги были произведены в течение нескольких веков на машинах, печатных станках, и распространяются через сети из издательств и книжных магазинов. Видимо внезапное появление тех же текстов в Интернете представляет собой еще один шаг на этом пути, на пути самой истории. На протяжении веков в настоящее время, евреи, христиане и мусульмане были рады быть определенными как «народ книги». В этом они видели, их глубочайшие убеждения – их самые сокровенные познания Бога, безвозвратно связанные с продуктом человеческого производства, их священной «книги». Печатная машина является инструментом, который оказал глубокое влияние на инструмент мастера. На протяжении всей истории организованной религии, технологии, к лучшему или худшему, как правило, стремились к тому, чтобы стать теологиями.

Чувствуя величину этих изменений, многие люди веры, вероятно, испытают чувство потрясения, тревоги, или даже страха. Многие религиозные общины будут реагировать, отрицая значимости событий, происходящих вокруг них. Этим объясняется, в частности, увеличение фундаменталистских движений во всех мировых религиях. Фундаментализм является симптомом быстрых социальных изменений, его внезапное возрождение верный признак быстроты изменений, особенно изменений, затрагивающих сердца и умы людей.

Это страшит не только фундаменталистов, которые озабочены масштабами изменений, трансформации духовной иконографии народной религии. Вдумчивые, хорошо образованные люди, знающие как науки, так и компьютерные технологии выказывают глубокий скептицизм по поводу новой иконографии. Разве приверженность современной культуры к компьютерным технологиям значит, что будет постоянно увеличивающийся разрыв между информационно богатыми и неимущими, между богатыми и бедными? Если компьютерные сети развиваются в том же направлении, как развивается телевидение, в среде развлечений, а не просвещения, а также, как технологии, которые успешно действуют только тогда, когда их пользователи становятся пассивными потребителями? Будет ли опыт посредничества новых технологий, представляющий собой дешевую замену аутентичной, духовной жизни? Будут ли компьютеры становиться современными богами и богинями, которым люди станут поклоняться, а не продолжать поиски живого Создателя, который раскрепощает и дает возможность всем? В проводной мире, станет ли религия, как сказал Карл Маркс, новым мощным опиумом для народа?

Как ни странно, конечно, большая интенсивность таких вопросов, пожалуй, является самым мощным показателем того, что Интернет является, по сути, очень хорошей метафорой для Бога. Как говорил великий богослов, Пауль Тиллих, несколько десятилетий назад, эффективность и сила религиозного символа может быть измерена в очень по-разному. В первую очередь религиозные символы становятся мощными, потому что воспринимаются как связь между некоторым конечным объектом в мире, и бесконечным царством. Так, в современном мире Интернет, как считается, предлагает человечеству новое окно с видом на бесконечность. Объект из реального мира, может стать мощным религиозным символом, только если его «смысл сводит на нет то, на что он указывает».